

Результаты наших наблюдений дают основание полагать, что слуховой образ жанровых моделей базируется на определенной ритмометрической схеме, прогнозирующей временное структурирование комфортного режима общения, сигнализирующей многогранность сложной иерархической упорядоченности, одной из составляющих которой является просодический ритм. Эти обстоятельства открывают дальнейшую перспективу исследования ритмообразующих свойств речи с присущим ей коммуникативным тембром.

Литература

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979.
2. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. — М., 1984.
3. Гумовская Г.Н. Ритм как фактор выразительности художественного текста. — Дис. ... д-ра филол.наук. М., 2000.
4. Москальчук Г.Г. Структура текста как синергетический процесс. — М., 2003.
5. Потапов В.В. Контрастивное исследование речевого ритма в диахронии и синхронии. — Дис. ... д-ра филол.наук. — М., 1998.
6. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации. — К., 2002.
7. Couper-Kuhlen E. English Speech Rhythm. Form and function in everyday verbal interaction. — Amsterdam — Philadelphia, 1993.
8. Potapov V. Dynamik und Statik des Sprachlichen Rhythmus. — Köln; Weimar; Wien, Böhlau Verlag, 2001.

Статья поступила в редакцию 16.03.2006 г.

УДК 811.161.1'371

Т. Г. Ярёмченко

СЛОВО ЛЕТО КАК МОТИВИРУЮЩИЙ ГЕНЕРАТИВ

Благодаря активизации системно-языкового подхода на современном этапе стало возможным развернуть соответствующие функционально-ономасиологические исследования и собственно темпоральных единиц (А. Бондарко, М. Всеволодова, Д. Ищук и др.). Общеизвестно, что языковые единицы, реализующие в языке и речевой практике семантику времени, организуются в мощное, многоуровневое функционально-семантическое поле темпоральности. При этом «грамматическая категория времени глагола, т.е. грамматическое поле времени, и лексико-семантическое поле времени – ядро языкового поля времени, – это основные средства выражения концептуальных временных понятий, а остальное – периферия, т.е. дополнительные средства выражения темпоральности, имеющие специфический характер в каждом конкретном языке» [7, с. 35].

Рассматривая способы выражения временных отношений в современном русском литературном языке, М. Всеволодова [3, с. 29-32] выделяет целый ряд классов и подклассов лексических носителей семантики времени. Среди них – подкласс названий времен года (*зима, лето, весна, осень*). Большею частью они представляют контрарные противоположности, на языковом материале актуализируют методологический принцип бинарных оппозиций. Вообще следует заметить, что бинарные противопоставления типа *день – ночь, зима – лето* являются весьма актуальными для разных уровней древнеславянской системы и для позднейших национальных языковых традиций. Помимо прямого лексического значения (обозначения периодов реального времени), они являются актуализаторами древней системы архаичного противопоставления [6, с. 118].

В данной работе мы сосредоточим внимание на микрополе, организуемом в русском языке за счет словообразовательного и семантического развития темпо-

рального подкласса *лето*. В частности, объектом анализа будет избран наиболее репрезентативный субстантивный блок, мотивированный генеративом *лето*.

БАС характеризует *лето* как лексему, имеющую значение: «1. Самое теплое время года между весной и осенью. 2. (род., мн.). В сочетании с числительными употребляется в качестве род. мн. к *год*. 3. мн. Возраст, года | Обычн. ед. устар. год» [16]. В современном русском литературном языке отсутствует нормативный глагол *летовать*, однако соответствующая единица, как и целый блок девербальных существительных, достаточно широко репрезентированы в русской диалектной подсистеме: *летованье* [11, с. 22]; *летовье* [11, с. 23]; *летовля* [11, с. 23]; *лétовка* [11, с. 22; 10, с. 119]; *лétовище* [11, с. 22]; *летовщик* [11, с. 23].

Производным второй степени, сохранившим мотивационную сему 'сезон', 'пора года', является *полетовщик* [14, с. 63].

Слова *облетовик* [12, с. 95, 96]; *перелетовик* [13, с. 142] находятся на 3-ей ступени словопроизводства.

Такая высокая словообразовательная активность генератива частично объясняется тем, что глаголы, мотивированные существительными ЛСГ «времена года», обозначают действие экзистенциального характера, близкое по значению словам *жить*, *существовать*, и отражают местоположение или род занятий субъекта во времени в период, названный производящим словом.

Многоплановая экзистенциальность субъектов отражается в языке в большом количестве соответствующих номинаций: наименования по роду профессиональной занятости, родственным отношениям, социальному положению и т. д. Производные глаголы, мотивированные существительными, демонстрируют отношение лица к предмету, названному производящей основой глагола. Известная степень регулярности этих отношений приводит к тому, что лицо может характеризоваться по действию, которое оно совершает в связи с этим предметом (*летовать* → *летовщик*). Таким образом, результатом реализации словообразовательной потенции исходного слова являются дериваты со значением «место, где совершается действие, названное мотивирующим словом» и «лицо, совершающее действие, названное мотивирующим глаголом». Категориальная природа мотивирующего глагола объективно предполагает возможность появления у субстантива значения «опредмеченное действие».

Учитывая результаты анализа субстантивного блока глагола *зимовать*, а также тождественность семантических структур глаголов *зимовать* и *летовать*, можно предположить возможность образования от глагола *летовать* производных субстантивов таких словообразовательных типов:

- «действие как предмет» (*летованье, летовка*);
- «лицо, совершающее действие» (*летовщик*);
- «место совершения действия» (*летовка, летовище, летовля, летовье*).

Девербативом первой ступени, входящим в СГ со словом-вершиной *лето*, является субстантив *летованье* – «действие по знач. глаг. *летовать* (в 1-м знач.)» [11, с. 22]. Образованное по регулярной словообразовательной модели, это темпоральное существительное находится на периферии лексической системы современного русского литературного языка, поскольку функционирует в диалектной речи. В то же время интралингвистическую обоснованность и функциональность этой лексемы, составляющей семантическую оппозицию слову *зимование*, подтверждают данные украинского языка, в котором представлен многокомпонентный ряд отглагольных существительных с темпоральной семантикой. *Літування* – украинский аналог глагола *летовать* – является тождественным ему и по значению, и по словообразовательной структуре и фиксируется «Великим тлумачним словником української мови»: «Літування – дія і стан за значенням дієслова літувати»

[2, с. 493]. Об их соотносительности свидетельствуют также примеры из художественной литературы: «Местом своего *летованья* многие деятели сознательно избрали Ислам-Кермень» («Знание – сила». – 1967. – № 3. – с. 12); «За свое *літування* у полонині зазнав Іван немало пригод» (М. Коцюбинський. Твори в 2-х т. – Т. 2. – с. 326); «Наприкінці жовтня, коли вже закінчилось *літування* полонинників на гірських пасовищах, у святково прибрану путьку з'їжджаються трудівники» (Нар. тв. та етногр. – 1976. – № 1. – С. 45).

СГ лексемы *лето* включает также существительное *летовка*. Образованное от глагола *летовать* с помощью суффикса *-к-*, это диалектное слово является эпидигматически активным и развивает несколько ЛСВ, отличающихся акцентологическим оформлением. В частности, «Словарь русских народных говоров» фиксирует два варианта: *летóвка* – в значении «летняя пастьба скота, летнее пастбище» и *лétовка* в значении «летний лов рыбы» [11, с. 22], которые представлены в публицистической и художественной литературе: «Пологие склоны представляли хорошие пастбища. Это были *летовки*» (Обручев); «У меня нет никаких опасений за нашу жизнь при *летовке* в здешних местах» (Ушаков); «Так высоко и звонко пролетали они..., отправляясь в *летовки* от северных морей – на юг» (Ч. Айтматов).

Компонентный анализ девербатива *летовка* позволяет констатировать, что в его семантической структуре сема 'время года' накладывается на значения: а) экзистенциально-процессуальное (пастьба, ловля) и б) локативное (пастбище). Доминируя соответственно в ЛСВ1 и ЛСВ2, они реализуют общую семантику «действие, местоположение лица в период, названный производящим словом». Т. И. Плужникова в связи с этим отмечает: «Локативный признак, представленный в ЛСВ2 слова *зимовка*, имплицирован и в ЛСВ1 слова *летовка* (пастбище), однако доминирует в семантической структуре лексемы *летовка* процессуальный признак, что ограничивает словообразовательную потенцию этого слова: от него не образуются прилагательные и существительные с экспрессивной окраской» [8, с. 113].

В карельских и сопредельных с ними говорах девербальный субстантив *летовка* имеет синоним *летник* – «неотапливаемая комната для проживания летом» [10, с. 119].

Локативный признак «место совершения действия, названного производящей основой» эксплицирован в нескольких отглагольных существительных: *летник* (см. выше), *летовище*, *летовье*.

Лексема *летовище* функционирует в русском языке приблизительно с XVI в., употребляясь как темпорально маркированный локатив со значением «место, где летом пасется скот». Не исключено также значение «место летнего промысла». Впоследствии семантика существительного заметно расширилась в результате наслаивания новых смысломоделлирующих сем. В его семантической структуре выделяются 4 самостоятельных ЛСВ, дифференцированных акцентологически: *лétовище* и *летóвище*; ср. «1. Пастбище на расчищенном месте в лесу // *Летóвище*. Выгон, пастбище; 2. *Летовище*. Летняя постройка на выгоне, пастбище. 3. *Летовище*. Летний стан охотников, звероловов, летние ночевы. 4. *Летовище*. Место, где скопляются летом звери, птицы и животные». [11, С. 22].

Еще один ЛСВ, сближающийся с предыдущими благодаря доминантным семам 'время года' и 'место совершения действия', представлен в Академическом словаре 1897 г., где указано: «*Летовище*. Место, где кочующие народы проводят лето».

Примеры речевой актуализации указанных ЛСВ девербатива *летовище* можно найти в художественной литературе: «Его следы мы обнаружили недалеко от нашего прошлогоднего *летовища*» (І Панасенко).

Девербальное существительное *летовище* образовано с помощью регулярного суффикса *-ищ*, эксплицирующего локативную семантику. Ср.: *зимовище* – место, где зимуют, *летовище* – место, где проводят лето.

Слово *летовье* функционирует в русском языке с XVII в. Являясь антонимичной к слову *зимовье* формой актуализации значения «место летнего промысла, летний стан звероловов, рыбаков», это отглагольное существительное осталось на периферии лексической системы русского языка. В настоящее время оно встречается только в говорах, употребляясь в суженно-локативном значении: «летнее кочевье; место куда переселяются на летний промысел» [11, с. 2]. Приведенный пример подтверждает мысль о том, что «в отличие от слова *зимовье* в лексеме *летовье* отсутствует значение «действие, процесс» как предмет» [8, с. 114].

В. Даль указывает на смысловую тождественность двух отглагольных существительных (генератив *летовать*), образованных с помощью разных суффиксов: девербатив *летовье* по сигнификативному значению полностью совпадает с более редким диалектным словом *летовля*. Об этом свидетельствует лексикографическая справка: «Летовля. То же, что *летовье*» [11, с. 23]. Таким образом, можно сделать вывод, что *летовье* и *летовля* функционируют как параллельные дериваты с локативной семантикой.

Ни в словарях русского литературного языка, ни в лексикографических источниках диалектного словоупотребления не зафиксированы адъективы, образованные от локативных девербативов *летовище* и *летовье*.

Семы 'сезон' / 'время года' представлены в семантической структуре суффиксального девербатива *летовищик* со словообразовательным значением «лицо, совершающее действие, названное производящим глаголом», который детерминирует лексическое значение слова – «промышленник, остающийся на промысле в течение лета» [11, с. 23]. Существительное *летовищик* составляет лексическую оппозицию слова *зимовищик*. При этом закономерно появление феминизма *летовищица*, поскольку оно, будучи обусловлено экстралингвистически, является результатом реализации и внутриязыковых закономерностей, в частности, словообразовательных гендерных пар, то есть слово *летовищица* – модификат слова *летовищик*.

Несмотря на то, что словообразовательные производные с суффиксом *-щик* для обозначения лица, совершающего действие, названного производящей основой, являются, как правило, элементами разговорно-бытовой речи, употребление существительного *летовищик* ограничивается сферой народных говоров.

Менее продуктивными, чем глагол *летовать*, являются девербативы с префиксами *по-*, *пере-*, *об-*: *полетовать* → *полетчик*; *перелетовать* → *перелетовик*; *облетовать* → *облетник*, *облетовик*.

Существительное *полетчик* функционирует в диалектах в значении «человек, остающийся, работающий где-либо в течение одного лета». Таким образом, имеет место либо расхождение формальной и семантической мотивации (формально слово образовано от глагола *полетовать*, а объясняется через слово *лето*), либо данный дериват мотивируется и образуется от предложно-именного сочетания *по лету* (*работать по лету* // ср. *по году*) и тогда находится на 1-й словообразовательной ступени. В отличие от многих других дериватов СГ с вершиной *лето* это производное зафиксировано в БАС и востребовано в художественной литературе.

Субстантив *перелетовик* является суффиксальным производным от глагола длительно-ограничительного способа действия *перелетовать*. Семантика производящего глагола определяет образование деривата со словообразовательным значением «предмет, полученный в период, названный производящей основой». В «Словаре русских народных говоров» он зафиксирован в значении «дрова, пролежавшие в поленище лето и хорошо высохшие» [13, с. 142].

Значение существительного *перелетовик* совпадает с семантикой диалектного деривата *облетовик* – «дрова, пролежавшие лето и хорошо просохшие, сухие» [12, с. 95]. Ср. производное, мотивированное непосредственно словом *лето*, – *облетник* – «дрова, заготовленные к зиме еще весной и просушенные летом» [12, с. 96].

Осуществленное нами исследование подкласса темпоральных глаголов, мотивированных названием части времени года *лето* дает основания утверждать, что семантическую структуру этой темпорлексемы формируют те же временные и качественные признаки, что и в названиях других времен года. Многие из зафиксированных в процессе развития русского языка производных от *лето* глаголов со значением времени были утрачены, иные сохранились в народных говорах, подтверждая, что иногда «тот или иной потенциально древний элемент лексики самым причудливым образом всплывает на разных концах Славии...» [18, 19].

Литература

1. Бондар О.І. Система і структура семантичних полів темпоральності в сучасній українській літературній мові: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. – К, 1998.
2. Великий тлумачний словник української мови / Укл і голов. ред. В.Т. Бусел. – К, Ірпінь, 2001.
3. Всеволодова М.В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. – М.: Изд-во Моск. ун-та., 1975.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х тт. / М.: Русский язык, 1981.
5. Егоров Г.Г. Значение производного слова и семантика словообразовательного гнезда // Словообразовательные единицы – их семантика и взаимодействие: Сб. науч. тр. – Душанбе, 1986. – С. 14-18.
6. Иванов В., Топоров В. Славянские языковые моделирующие системы. – Х. – М., 1965.
7. Ищук Д.Г. Лексико-семантическое поле как выражение концептуальной модели времени в языке (на русско-славянском материале). – Дисс. ... канд. филол. наук. – Спб, 1995.
8. Плужникова Т.И. Типология комплексных единиц словообразования: прогнозирующая функция. – К., 2002.
9. Потебня А.А. Мысль и язык. Эстетика и поэтика. – М., 1976.
10. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: Вып. 3. – Изд-во С-Петербургского ун-та, 1996.
11. Словарь русских народных говоров: Вып. 17.
12. Словарь русских народных говоров: Вып. 22.
13. Словарь русских народных говоров: Вып. 26.
14. Словарь русских народных говоров: Вып. 29.
15. Словарь русского языка: В. 4 т. – 2-е изд. испр. и доп. – М., 1981 – 1984.
16. Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти тт. / АН СССР, Ин-т рус. яз. – М.-Л.: Наука, 1948–1965.
17. Фасмер М. Этимологический словарь рус. яз.: В 4-х т. / Под ред. и предисл. проф. Б.А. Ларина. – 2-е изд., стереотип. – М.: Прогресс, 1986.
18. Трубачев О.Н. Опыт ЭССЯ: к 30-летию с начала публикации (1974 – 2003): Доклад пленарного заседания. – XIII Междунар. съезд славистов. – М.: Ин-т рус. языка РАН, 2003.

Статья поступила в редакцию 16.03.2006 г.

□